

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Н.Е. ТИХОНОВА,
Е.Д. СЛОБОДЕНЮК*

Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов

В статье предлагается новый подход к анализу бедности. Наряду с критерием бедности, связанным с получаемыми доходами, предлагается включить критерии, основанные на анализе лишений людей. Их доходы формально превышают прожиточный минимум, но реальная жизненная ситуация ставит в тяжелое положение. Новый подход к проблеме бедности диктует необходимость смены приоритетов социальной политики государства.

Ключевые слова: бедность, депривация, социальная политика, прожиточный минимум, доходы граждан.

The article proposes a new approach to the analysis of poverty. It is proposed to add to the criterion of poverty-related income criteria based on the analysis of deprivation of people. Their income formally exceeds the cost of living but the real life situation puts them in a difficult position. A new approach to the problem of poverty dictates the necessity to change the priorities of social policy.

Keywords: poverty, deprivation, social policy, the cost of living, income citizens.

Ситуация с бедностью в России в последние годы, на первый взгляд, значительно улучшилась. Во всяком случае, к этому выводу приводит анализ динамики данных о доле бедных в составе населения страны. С 2000 по 2012 г., по данным Росстата, число бедных сократилось с 42,3 до 15,6 млн человек, их доля в составе населения страны упала с 29,0 до 11,0%, а дефицит их денежного дохода сократился более чем в 5 раз – с 5,0 до 1,0% от общего объема денежных доходов населения (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm). В то же время, если использовать социологические данные о численности бедных, то картина, хотя и остается в целом достаточно оптимистичной, выглядит уже не столь радужно.

Во-первых, доля бедных в России оказывается в этом случае все же заметно выше, чем об этом говорят данные Росстата [Карабчук, Пашинова, Соболева, 2013; Тихонова, 2011]. Во-вторых, и это главное, проблема не только и даже не столько в численности

Тихонова Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор-исследователь Национального университета – Высшей школы экономики (НИУ–ВШЭ).

Слободенюк Екатерина Дмитриевна – преподаватель НИУ–ВШЭ.

бедных, сколько в том, что представляют из себя эти бедные, кто и почему попадают в бедность, как реально живут эти люди и чем их бедность может обернуться не только для них, но и для остального общества. Ответы на эти вопросы применительно к условиям России далеко не однозначны. И это не удивительно: российская бедность намного сложнее по своей структуре, чем бедность в подавляющем большинстве других стран, а портрет ее сильно зависит от выбора того или иного теоретико-методологического подхода к анализу. Попробуем набросать этот портрет хотя бы в самых общих чертах.

Влияние выбора методологии выделения бедных на динамику их численности в российском обществе

В науке есть два основных подхода к анализу бедности – абсолютный и относительный. Абсолютный используется преимущественно экономистами, для которых бедные выступают объектом помощи, а соответственно, необходимо в первую очередь оценить их материальные ресурсы, дефицит доходов, финансовые затраты на помощь им и т.п. Относительный же (в его классической депривационной или упрощенной монетарной версии) распространен в большей степени среди социологов, для которых бедные выступают как самостоятельные акторы, и надо, соответственно, понять не только специфику их положения, но и вытекающий из этого положения спектр возможных стратегий их собственных действий, а также возможное влияние этих действий на жизнь общества в целом. Вот почему с точки зрения социологической науки, в отличие от экономической, бедные – не те, кто имеют доходы ниже какой-то расчетной величины, а те, кто живут бедно. Причины несовпадения выделенных в соответствии с такими трактовками групп бедных могут быть различны. Так, к очень низкому уровню жизни при доходах, формально находящихся выше прожиточного минимума, может приводить специфика расходов домохозяйства (скажем, в нем есть тяжело больной и много денег уходит на лекарства), наличие в семье наркомана или алкоголика, высокая стоимость жизни в определенном населенном пункте¹ и т.п.

Именно поэтому с социологической точки зрения используемый Федеральной службой государственной статистики (ФСГС) РФ подавляющим большинством российских экономистов и даже многими социологами абсолютный подход к бедности применим ровно настолько, насколько он позволяет выделить бедных как реальную социальную группу. Но действительно ли абсолютный подход к бедности способен в современной России выделить тех, кто отказывают себе из-за недостатка средств в удовлетворении даже базовых потребностей, являющихся “нормой жизни” для безусловного большинства членов общества? Охватывает ли он большинство реально бедных? И в чем заключаются общие и специфические черты групп, выделенных с помощью абсолютного (бедность “по доходам”) и депривационного (невозможность поддерживать считающийся в обществе минимально приемлемым, но все же “нормальным”, образ жизни, то есть бедность “по лишениям”) подходов к бедности?

Для получения ответов на эти вопросы мы решили сравнить группы бедных, выделенных в соответствии с двумя этими основными теоретико-методологическими подходами к бедности на одной и той же эмпирической базе². В рамках первого (абсолютного) подхода для выделения бедных нами была использована методика, предполагающая сравнение совокупных доходов домохозяйств разных регионов с

¹ Используемая Росстатом методология расчета прожиточного минимума предполагает привязку его к средней по региону стоимости жизни. Однако в разных поселениях в одном и том же регионе (например, в его столице и находящейся “в глубинке” деревне) она может заметно различаться.

² Основой анализа выступали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) – исследования, проводимого с 1992 г. Его базы представлены как в репрезентирующей население страны за каждый год версии, так и в более полной версии панели респондентов за весь период наблюдений. Далее, если не оговорено иное, данные относятся к репрезентативным базам РМЭЗ. В нашем исследовании были использованы базы за 2005–2011 гг. (подробно об этом исследовании и его выборке за соответствующие годы см. <http://www.hse.ru/rims/>).

рассчитанным для каждого домохозяйства в отдельности с учетом его состава (трудоспособные, дети, пенсионеры) совокупным прожиточным минимумом (ПМ), установленным в каждом из рассматриваемых регионов за соответствующий год. Показатель совокупного дохода рассчитывался суммированием всех денежных доходов домохозяйства (заработной платы, различного рода трансфертов, помощи со стороны других домохозяйств и т.д.), полученных в течение месяца. Бедные в этом случае выделялись отдельно в рамках каждого региона. В их число попали члены домохозяйств, в которых совокупный доход оказывался меньше совокупного прожиточного минимума для домохозяйств соответствующего состава в конкретном регионе.

Конечно, полученные таким образом данные – не идеальная база для расчетов: респонденты имеют тенденцию занижать свои доходы, сама по себе база РМЭЗ не включает в себя, как и все социологические опросы, представителей верхних 5% населения, да и следующие 15–20% наиболее благополучного населения представлены в ней в меньшей пропорции, чем в населении страны в целом, что влияет на оценки на ее основе доли бедных в составе населения страны. Можно, конечно, пытаться частично сгладить эти недостатки за счет перевзвешивания исходных данных, учета расходов респондентов и т.д., и для ряда исследовательских задач эти методы используются довольно активно. В результате на одном и том же массиве РМЭЗ в силу особенностей используемых методик разные исследовательские группы получают разную численность бедных, полученных по абсолютному подходу³. Однако “абсолютно правильных” данных получить все равно невозможно – методика установления прожиточного минимума органами государственной власти допускает некоторую вариативность, сильно влияющую на долю бедных в каждом отдельно взятом регионе⁴. В результате любые полученные данные всегда будут в определенной степени условными и позволят говорить лишь о порядке цифр и тенденциях, характеризующих российскую бедность.

Вот почему мы решили брать при выделении бедных в рамках абсолютного подхода за основу расчета не расходы респондентов, а их оценки своих доходов, и ничего не перевзвешивать. Отчасти на этом решении сказалось и наличие у части бедных сбережений, которые искажают картину их расходов. Однако главным доводом в пользу именно такой методологии выступало следующее. Поскольку мы рассматриваем не долю населения, претендующего на помощь со стороны государства и необходимые масштабы этой помощи, а суть и особенности проявления в России такого феномена, как бедность, то для нас особое значение имело именно восприятие людьми размера своих доходов, прямо влияющее на их самосознание и идентичности, а в конечном счете – и на их “социальные действия”, то есть как раз то, что интересует социологов в первую очередь.

Что касается депривационного подхода, то в его рамках как бедные нами рассматривались те, для кого бедность проявлялась в определенном (“бедном”) образе их жизни. Методически это означало, что к ним относились испытывавшие не менее пяти видов лишений (то есть многомерную депривацию) при удовлетворении своих базовых физиологических и социальных потребностей. Показатели лишений были отобраны с учетом представлений россиян о признаках бедности (см. [Бедность... 1998; Тихонова, 2003; Россия... 2004]) и возможностей инструментария исследования РМЭЗ за 2005–

³ Так, Т. Карабчук с коллегами [Карабчук, Пашинова, Соболева, 2013] оценивают долю бедных, выделенных на основе абсолютного подхода на базе РМЭЗ в 2009 г., в 22% домохозяйств, а по использованной нами методике доля бедных составляла на этот момент 26%.

⁴ Рекомендованная Росстатом регионам методика расчета прожиточного минимума позволяет им по своему усмотрению варьировать величиной ПМ примерно в диапазоне 10%. Соответственно, регион, обладающий в лице его губернатора сильными лоббистскими возможностями, устанавливает максимально возможный прожиточный минимум для получения дополнительной помощи от федерального Центра. При этом регионы, не имеющие шансов на дополнительную помощь, наоборот, стремятся установить границу ПМ как можно ниже, чтобы сократить число потенциальных получателей пособий. Это приводит к занижению в них числа бедных по сравнению с регионами первой группы.

2011 гг. Были выделены девять групп лишений, объединяющих 17 индикаторов⁵. В их число входили:

- *невозможность нормально питаться* (семья вообще не покупает мясо и рыбу, продукты из них, а также фрукты или ягоды);
- *невозможность приобрести новую одежду*;
- *невозможность приобрести товары первой необходимости*;
- *крайне бедный набор товаров длительного пользования (ТДП)* по месту проживания (отсутствие даже цветного телевизора, который при суженности форм досуговой активности бедных особенно важен для них и присутствует, по данным РМЭЗ за 2011 г., в товарном наборе 98,2% российских домохозяйств, то есть его отсутствие – очень яркий признак депривированности), а также невозможность приобрести какие бы то ни было новые ТДП;
- *невозможность оплатить любые формы занятий для детей*;
- *недоступность приобретения необходимых медицинских услуг, лекарств и товаров*;
- *недоступность нормальных жилищных условий* (отсутствие собственного жилья и/или наличие менее 12 м² общей площади на человека – порога, с которого доля оценивающих свои жилищные условия как плохие перестает превышать число тех, кто оценивают их как хорошие);
- *недоступность качественных рабочих мест*, то есть работа на таких рабочих местах, где низкая зарплата сопровождается отсутствием предусмотренных законодательством РФ базовых социальных гарантий (оплаты отпуска, больничного листа, декретного отпуска и т.п.);
- *недоступность нормального социально-психологического самочувствия* в результате хронического доминирования достаточно тяжелых для человека эмоций (чувства полного беспорядка и беспомощности при ощущении невозможности как-то изменить ситуацию, а также ощущения положения своего домохозяйства как находящегося в состоянии нищеты)⁶.

Как видно, лишения в заданном нами списке носят очень жесткий характер, свидетельствующий о пребывании респондентов скорее не просто в бедности, а в нищете (недоступность получения любого животного белка, необходимых лекарств или одежды и т.п.).

Наш анализ свидетельствует: соотношение бедного и небедного населения “на входе” и “на выходе” из периода 2005–2011 гг. демонстрирует, что в современном российском обществе бедность распространена в разы шире, чем об этом говорят данные Росстата (см. рис. 1). Кроме того, достаточно широко распространена в нем и ситуация несовпадения бедных “по доходам” и бедных “по лишениям”. Это значит, что для современной России достаточно типична ситуация, когда одни люди испытывают недостаток денежных средств, но все же поддерживают общепринятый образ жизни, в то время как другие, которые по оценкам государства бедными не являются, в реальности не могут из-за недостаточности своих ресурсов поддерживать образ жизни, рассматриваемый как минимально приемлемый подавляющим большинством

⁵ Часть показателей этих лишений имела характер многомерных индексов, которые были построены на основе нескольких переменных, а часть состояла лишь из 1 переменной. Однако в любом случае каждый показатель депривации выступал в итоге дихотомической переменной. Таким образом, совокупный индекс депривации мог варьироваться в интервале от 0 до 17 баллов. Определение пограничного значения индекса, позволяющего отделить группу бедных от остального населения, осуществлялось несколькими способами, каждый из которых продемонстрировал, что в качестве такого рода границы должен использоваться порог в 5 баллов.

⁶ Индикаторы социально-психологического самочувствия были включены нами в признаки депривации постольку, поскольку при характеристике бедности и ее признаков в случае использования открытых вопросов многие респонденты упоминают о том, что чувства безысходности, безнадежности и т.п. – характерные особенности образа жизни и положения бедных [Тихонова, 2003]. Связь такого рода чувств с действительно тяжелыми лишениями, испытываемыми респондентами, с одной стороны, и общим числом таких лишений – с другой, подтвердилась в нашем анализе и статистически.

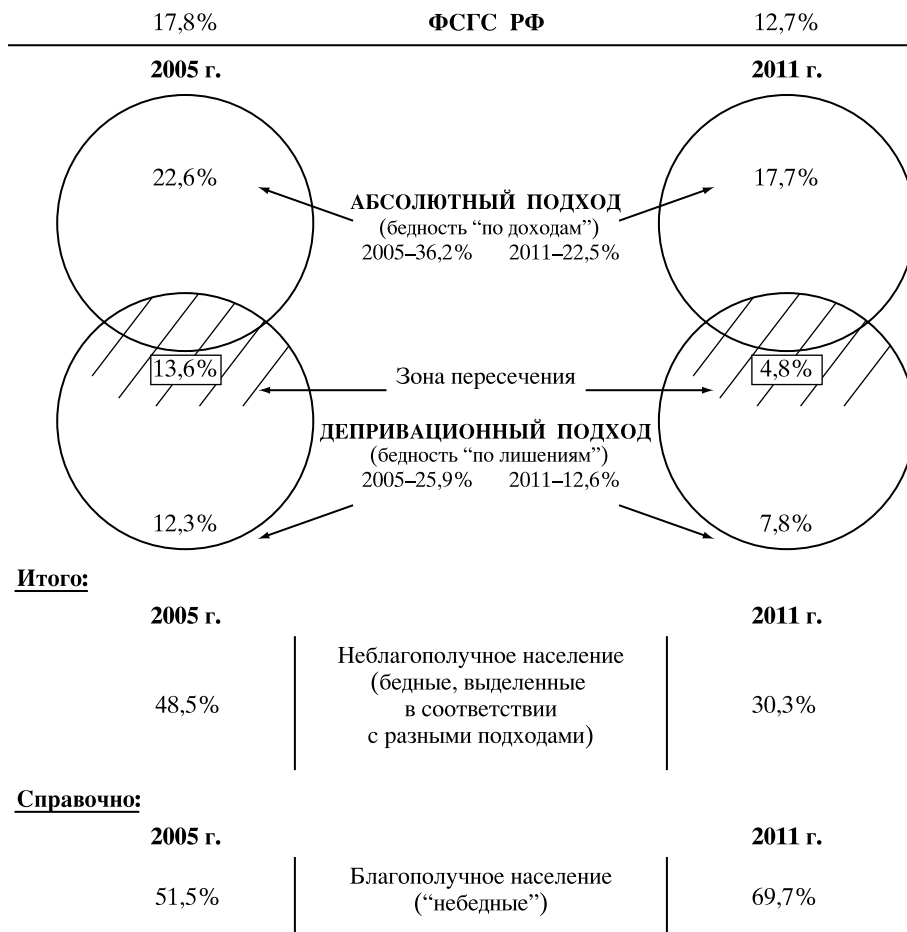

Рис. 1. Численность бедных в России, выделенных в соответствии с абсолютным и депривационным подходами к бедности (РМЭЗ, 2005/2011 гг., в %).

членов общества. Так, почти половина (48,8%) всех, оказывавшихся в состоянии бедности по одному из двух основных подходов к ней за исследуемый период в течение хотя бы одного года, не могла рассматриваться одновременно как бедные в рамках другого подхода. Впрочем, учитывая сказанное выше о влиянии на уровень жизни домохозяйств самых разных факторов, относящихся как к покупательной способности их доходов, так и к специфике их расходов, это не удивительно. Удивительно другое: зона пересечений групп бедных, выделенных с помощью этих подходов, сократилась за период 2005–2011 гг. сильнее, чем число бедных, выделенных в рамках каждого из них в отдельности. Это означает, что группы бедных “по доходам” и бедных “по лишениям” со временем все больше расходятся в российском обществе между собой, а значит, **абсолютный и депривационный подходы к бедности в современной России все больше описывают разных людей.**

Тем не менее, как видно на рисунке 1, динамика численности групп бедных, выделенных на основе абсолютного и депривационного подходов, показывает схожие тенденции: обе группы бедных 2005–2011 гг. уменьшились в размере весьма существенно. Причем уменьшение это, если говорить о бедных “по доходам”, фактически полностью пришлось на предкризисный период – 2006–2008 гг. Если же рассматривать динамику численности бедных “по депривации”, то оно происходило достаточно равномерно в течение всего рассматриваемого периода (см. табл. 1).

**Динамика доли бедных, выделенных в соответствии
с абсолютным и депривационным подходами к бедности
(РМЭЗ, 2005–2011 гг., в%)**

Группы	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Бедные “по доходам”	36,2	33,7	33,2	24,5	26,2	25,4	22,5
Бедные “по лишениям”	25,9	22,7	19,9	17,4	16,5	14,8	12,6

Картина распространенности бедности в России будет не полной, если не сказать и о масштабах так называемой “плавающей” бедности, когда человек то сползает в бедность, то чуть поднимается над ее чертой, а также о распространенности самой тяжелой по своим социальным последствиям формы бедности – хронической. К сожалению, данные свидетельствуют, что *неоднократный или длительный опыт пребывания в бедности в период 2005–2011 гг. присутствует более чем у половины населения страны*. Во всяком случае, если на панельных базах РМЭЗ рассмотреть ситуацию с динамикой пребывания в бедности, то оказывается, что в 2005–2011 гг. лишь 24,2% респондентов панели РМЭЗ вообще ни разу не попадали в число бедных и еще 17,3% оказывались в ситуации бедности не более одного раза (см. табл. 2), то есть для них это была ситуационная бедность, и в этом плане их тоже можно рассматривать как представителей относительно благополучных слоев российского населения. С учетом специфики выборки РМЭЗ можно предполагать, что получаемый от сложения этих двух групп показатель в 41,5% в реальности должен быть примерно на 7–8% больше.

Таблица 2

**Численность групп, характеризующихся разным опытом пребывания в бедности
(РМЭЗ, 2005–2011 гг., в %*)**

Группы		Бедные “по лишениям”				Всего
		Ни разу не были в бедности (небедное население)	Ситуационная бедность (1 год были бедными)	Зона риска хронической бедности (2–3 года были бедными)	Хроническая бедность (4** и более лет были бедными)	
Бедные “по доходам”	Ни разу не были в бедности	24,2	5,8	5,3	2,5	37,9
	Ситуационная бедность (1 год были бедными)	8,6	2,8	2,9	1,5	15,9
	Зона риска хронической бедности (2–3 года были бедными)	8,3	4,9	4,6	2,5	20,3
	Длительная, хроническая бедность (4 и более лет были бедными)	6,4	5,0	7,2	7,2	26,0
Всего		47,5	18,7	20,1	13,7	100,0

* Рассматривались только респонденты, присутствовавшие во всех базах РМЭЗ за соответствующий период.

** Показатель минимум в 4 года из 7 рассматривавшихся был выбран постольку, поскольку означал, что большую часть анализировавшегося периода времени человек находился в бедности, и это состояние является для него типичным состоянием, нормой его жизни.

Однако остальные – а это большинство населения страны – в любом случае не могли быть по состоянию на 2011 г. отнесены к небедному населению, хотя глубина их бедности была при этом очень различна.

Что же опаснее с точки зрения рисков попадания в хроническую бедность – бедность “по доходам” или бедность “по лишениям”? Ведь с точки зрения социологической теории любая реальная группа (а бедные нас интересуют, как уже отмечалось, прежде всего именно как особая социальная группа в структуре современного российского общества) имеет свое “ядро”, где специфика группы в целом проявляется наиболее ярко. И для бедных такого рода “ядром” выступают люди, находящиеся в хронической бедности, и прежде всего те из них, кто характеризуется наиболее тяжелыми формами сочетания многомерной депривацией, с одной стороны, и дефицита текущих доходов – с другой. Таковых среди респондентов РМЭЗ оказалось 6,9⁷ и 7,2%⁸. С учетом уже упоминавшегося смещения выборки этого исследования в средние и нижние слои населения это означает цифры порядка 13–14% и 5% населения страны.

Как показал анализ, статистически пребывание в последней, находящейся в самом тяжелом положении, группе застойной бедности, теснее связано с принадлежностью к бедным “по лишениям”, чем к бедным “по доходам”. Впрочем (это видно и из таблицы 2), в застойной бедности оказались свыше половины хронически бедных “по лишениям”, в то время как для хронически бедных “по доходам” этот показатель составлял лишь около четверти. Это означает, что *именно бедные “по лишениям” все в большей степени будут определять с годами реальный портрет российской бедности*. Использование же абсолютного подхода к бедности в российских условиях *позволяет “отловить” скорее лиц с дефицитом текущего дохода, носящего ситуационный или временный характер, чем представителей многолетней застойной бедности, и с годами эта тенденция усиливается*.

Говоря об изменении портрета российской бедности вообще и ситуации с хронической бедностью в частности, стоит отметить также, что в российском обществе *усиливается тенденция консервации бедности и репрезентации ее хроническими бедными*. Так, среди бедных “по доходам” “образца 2011 г.” 79,9% имели опыт нахождения в бедности по меньшей мере в течение четырех лет в период 2005–2011 гг. Велика была их доля и среди бедных “по лишениям” (68,2%). Это значит, что *бедные “образца 2011 г.” – это в массе своей уже не представители случайной или “плавающей” бедности, как было в начале или середине 2000-х гг., а типичные хронические бедные*.

Различия в портретах бедных “по доходам” и бедных “по лишениям”

Что же представляют из себя бедные “по доходам” и бедные “по лишениям”? Что их отличает друг от друга? И можно ли говорить о том, что речь идет применительно к ним о разных сегментах российской бедности в целом? Прежде чем ответить на эти вопросы, перечислим наиболее **типичные лишения**, которые испытывают представители бедных “по лишениям” и бедных “по доходам”. Это позволит точнее представить себе их образ жизни и понять, действительно ли речь в обоих случаях идет о бедных, хотя и бедных по-разному.

Бедные “по лишениям” в массе своей (от 50 до 80%) совсем не могут позволить себе приобретать рыбу и рыбопродукты, товары первой необходимости, фрукты или ягоды, одежду и товары длительного пользования. Так же массово они ощущают чувства полного бесправия и беспомощности при одновременном ощущении невозможности как-то изменить ситуацию и оценивают положение своего домохозяйства как находящегося в состоянии нищеты. Достаточно широко распространена среди них и депривация в области медицинской помощи (около половины отмечают недоступность

⁷ Именно столько в панельной базе данных РМЭЗ насчитывалось тех, у кого пребывание в бедности по одному из подходов носило хронический характер, а по второму они находились при этом, как минимум, в зоне риска хронической бедности.

⁸ Доля респондентов, пребывавших в хронической бедности по обоим подходам одновременно.

для них тех или иных ее видов), а также депривация в сфере жилищных условий. В меньшей степени, но все же очень широко (об этом говорили около 40% имеющих несовершеннолетних детей из этой группы) представлен в ней вынужденный отказ от любых форм дополнительного развития детей. Кроме того, свыше четверти бедных “по лишениям” в принципе не могут позволить себе покупать любые мясопродукты, включая колбасные изделия. При этом за период 2005–2011 гг. в данной группе заметно выросла распространенность таких лишений, как отсутствие нормальных жилищных условий и нормального социально-психологического состояния, невозможность оплачивать дополнительные занятия для детей, приобретать отдельные продукты питания. Таким образом, *лишения начинают в последние годы как бы “стягиваться” в ней друг к другу, концентрируясь все больше у одних и тех же людей. Это логичное следствие развития тенденций консервации бедности и роста в составе бедных доли представителей хронической бедности.* Итак, данная группа характеризуется *достаточно тяжелой многомерной депривацией и ее общее положение скорее ухудшается, чем улучшается.*

Что же касается *бедных “по доходам”*, то медианными для них выступают три вида лишений, то есть и применительно к ним можно говорить о многомерной депривации, хотя и не такой разносторонней, как у бедных “по лишениям”. Однако достаточно широко (то есть не менее чем у половины группы) распространены среди них только два вида лишений – невозможность покупать рыбу и рыбопродукты и невозможность оплачивать дополнительные занятия для детей. С большим отрывом по распространенности (от пятой части до трети группы) их характеризуют также плохие жилищные условия, невозможность приобретать фрукты, обновлять ТДП и одежду, обеспечивать себя предметами первой необходимости. Остальные виды депривации, включая недоступность необходимой медицинской помощи, набирают в данной группе не более 10%. Понятно, что выбор того, что именно в условиях ограниченности текущих доходов покупается членами данной группы в первую очередь, а в чем они себе отказывают, обуславливается их индивидуальной семейной ситуацией и личными предпочтениями. Однако единственный вид депривации, распространенность которого среди бедных “по доходам” за рассматриваемый период возросла, – невозможность оплачивать детям кружки, секции и т.д., отчасти стал отражением концентрации данной группы в сельской местности, где традиция инвестирования в детей относительно менее укоренена и, соответственно, именно по этой статье в первую очередь и идет экономия при нехватке текущих доходов “на жизнь”.

Тем не менее, несмотря на низкие доходы, объективно эта группа, судя по данным РМЭЗ, находится *хотя и в тяжелом, но все же не столь бедственном положении, как бедные “по лишениям”*. Учитывая же, что по ряду лишений (невозможность обеспечить себя предметами первой необходимости и невозможность покупки отдельных продуктов питания) ситуация в ней за период 2005–2011 гг. даже слегка улучшилась, можно говорить по меньшей мере о том, что *депривированность в ней не нарастает и она не характеризуется тенденцией увеличения концентрации в ней лишений*. Более того, анализ показывает, что сама по себе даже хроническая бедность “по доходам”, в отличие от бедности “по лишениям”, то есть по реальному образу жизни, не ведет к усугублению депривации и скатыванию во все более глубокую бедность. И в этом плане тем более опасной представляется отмеченная выше тенденция постепенного нарастания расхождения бедных “по доходам”, имеющих право на помощь со стороны государства, и бедных “по лишениям”, такого права не имеющих.

Говоря о различиях между ними, стоит отметить также различия в месте жительства, численности домохозяйств, возрастном составе, а также состоянии здоровья представителей двух рассматриваемых групп бедных. Так, если говорить о **численности и составе домохозяйств**, то домохозяйства бедных “по доходу” заметно крупнее – в среднем в 2011 г. их численность составляла 4,1 человека, в то время как среди бедных “по лишениям” она достигала лишь 3,6 человек. Однако и у последних домохозяйства были больше, чем у небедного населения, где средняя численность домохозяйств

составляла лишь 3,3 человека. В этой связи надо подчеркнуть, что *относительно больший размер домохозяйств – устойчивая особенность бедных и, особенно, бедных “по доходам”, не изменившаяся за весь период наблюдений*. Отчасти это связано с методикой выделения последних. Нами, как и Росстатом в соответствующий период, не использовались коэффициенты эквивалентности, позволяющие учесть экономии на расходах, возникающую в больших домохозяйствах при доходах ниже ПМ.

Однако дело здесь не только в формальных неточностях методики выделения бедных “по доходам”. Как свидетельствует анализ “ядра” бедных, то есть тех из них, кто находятся в состоянии хронической бедности, *большие домохозяйства в принципе характерны для бедных как особой социальной группы российского общества*. Отчасти большая численность домохозяйств бедных “по доходам” объясняется тем, что *среди них особенно велика доля несовершеннолетних* (составляющих 30,5% бедных “по доходам” при 11,1% у бедных “по лишениям” и 18,4% среди небедного населения). При этом *именно среди бедных “по доходам” за период 2005–2011 гг. доля несовершеннолетних значительно выросла* (на 4,0%), в то время как среди бедных “по лишениям” она, напротив, сократилась на 1,8%. *Это отражает рост в последние годы в российском обществе рисков скатиться в бедность в случае рождения ребенка*. Однако высокая доля несовершеннолетних приводит, скорее, к попаданию в ситуационную или плавающую бедность “по доходам”, чем к пребыванию в хронической бедности, особенно бедности “по лишениям”. Там большие домохозяйства – явление совсем иного порядка (это все чаще многопоколенные и сложные по структуре домохозяйства с большим числом взрослых).

Разница в долях несовершеннолетних, естественно, сказывается и на **возрасте** групп бедных, выделенных в рамках двух использовавшихся в исследовании подходов, – *бедные “по доходу” в среднем моложе, чем бедные “по лишениям” и небедные россияне*: их средний возраст составлял в 2011 г., судя по данным РМЭЗ, 29,6 лет, в то время как у бедных “по лишениям” он достигал 42,2 лет, а среди небедного населения – 40,1 года. Динамика этих показателей подчеркивает неслучайность выявленных различий – средний возраст бедных “по доходу” уменьшился за период 2005–2011 гг. на 4,1 года, а бедных “по лишениям” – лишь на 1,3 года.

Тенденция “ухода” российской бедности в молодые возраста подтверждается и при анализе возраста групп, различающихся их опытом пребывания в бедности. Так, судя по панельным данным РМЭЗ, возраст населения, ни разу не оказывавшегося за период 2005–2011 гг. в числе бедных, составлял в 2011 г. по медиане 56 лет. Представители ситуационной бедности были заметно моложе: их возраст достигал лишь 50 лет по медиане. В этом отношении они были очень похожи на тех, кто находятся в зоне риска хронической бедности: им тоже было 50 лет по медиане. *Еще моложе были представители хронической бедности*, медианный возраст которых составлял лишь 44 года.

Если подытожить сказанное выше о размерах домохозяйств, находящихся в бедности, о возрасте их членов и доле несовершеннолетних в них, можно утверждать, что *рождение ребенка, особенно – второго, оказывается для многих российских домохозяйств непосильной в финансовом отношении нагрузкой. Для кого-то это чревато ситуационной бедностью или формированием угрозы хронической бедности, то есть пребыванием в состоянии “плавающей бедности”. Для кого-то – пребыванием в хронической бедности*. Однако в любом случае появление ребенка с резким ростом иждивенческой нагрузки в семье очень сказывается в современной России на риске оказаться в числе бедных, особенно – бедных “по доходам”.

Еще одним признаком, достаточно заметно различающим бедных “по доходам” и бедных “по лишениям”, выступает их **место жительства**. Если бедность “по доходам” локализована преимущественно в сельской местности и поселках городского типа (ПГТ), то бедность “по лишениям” почти на 60% сконцентрирована в городах (см. рис. 2), причем 34,0% бедных “по лишениям” проживают в центрах субъектов РФ. Эти различия со временем углубляются: в 2005 г. в столицах субъектов РФ проживали

Рис. 2. Место жительства представителей различных групп населения (РМЭЗ, 2011 г., в %).

всего 25,3% бедных “по лишениям”, а с учетом жителей других типов городов (без ПГТ) доля городского населения составляла среди них тогда 46,5% против 58,7% в 2011 г. В то же время среди бедных “по доходам” соотношение городских и сельских жителей изменяется в пользу жителей сел.

Видимо, *стоимость жизни в разных типах поселений в России со временем все больше дифференцируется, а в крупных российских городах увеличивается такими темпами, что размер доходов многих их жителей все меньше позволяет им удовлетворять свои базовые потребности.* При этом, напомним, что в рамках статистики, а следовательно, и социальной политики, показатели прожиточного минимума привязываются только к регионам, без учета разницы стоимости жизни в разных типах поселений в них. Это одна из ключевых причин того, что бедные “по лишениям” и “по доходам” все дальше расходятся между собой, и все большая часть действительно нуждающегося населения рассматривается государством как не имеющая права на помощь с его стороны.

В то же время, оценивая перспективы эволюции российской бедности, надо отметить, что хотя среди представителей хронической бедности свыше половины (54,2%) составляют жители сел (см. табл. 3), около трети хронических бедных – все-таки жители городов, в том числе крупных, и *опасность городской бедности не следует недооценивать.* Во-первых, в городах возникает в результате опасность геттоизации отдельных районов. Во-вторых, глубина неравенств в условиях городов, особенно крупных, несопоставима с глубиной неравенств в сельской местности. Это порождает у бедных горожан совсем иное социально-психологическое состояние и может стимулировать их, особенно молодежь, составляющую значительную часть хронических бедных, к отсутствующим у сельских бедных формам социального действия, связанным с внешне немотивированными или неадекватными формами агрессивного поведения.

В то же время, если для хронической городской бедности характерны риски, хорошо известные из опыта жизни “городского дна” в других странах (молодежные банды, рост преступлений против личности и т.д.), то застойная сельская бедность в России генерирует структуру рисков, пока изученных очень мало. В этой связи нельзя не сказать об *идуших в сельской местности многих регионов России процессах маргинализации и люмпенизации их населения.* Имевшее место в советское время укрупнение

Таблица 3

**Место жительства представителей групп,
различающихся опытом пребывания в бедности
(РМЭЗ, 2005–2011 гг., в %)**

Группы	Не попадали в бедность	Ситуационная бедность	Зона риска хронической бедности	Хроническая бедность
Областной центр	44,4	38,6	25,6	14,4
Другие города	32,8	36,6	28,6	20,9
ПГТ	3,8	6,2	8,0	10,5
Села	19,0	18,6	37,8	54,2

сел с застройкой их трех–пятиэтажными многоквартирными домами привело в условиях неразвитости транспортной системы, а также узости видов производственной и досуговой деятельности в российских селах к *исчезновению в них традиционного сельского образа жизни без замены его городским*. Так, далеки от традиционных представлений о сельской глубинке типы жилищ, где проживают сегодня сельские жители. Лишь половина их (51,4%) имеют собственный дом. Еще 16,3% селян занимают часть дома, снимают жилье, живут в общежитиях или коммунальных квартирах. Около трети селян при этом проживают в квартирах городского типа. Однако главное даже не это. Почти половина сельских жителей вообще не имеют сейчас своей земли ни в виде приусадебных участков, ни в виде земельных паев, ни даже в форме садовых или огородных участков, а свыше половины сельских жителей, имеющих землю, не используют ее для самообеспечения продуктами питания или получения доходов от продажи произведенной сельскохозяйственной продукции⁹. При этом отчасти в силу действительно ограниченных объективных возможностей изменить свое положение, отчасти из-за большей распространенности в сельской местности патерналистских установок, среди жителей сел нарастает состояние аномии, разочарования и безысходности, сопровождающееся алкоголизацией российского села и его маргинализацией.

В этой связи надо напомнить, что существует некий порог, при пересечении которого процессы люмпенизации начинают обретать “взрывной” характер и охватывать все локальное сообщество. В разных странах, в зависимости от их культуры и институциональных особенностей, он различен, но, судя по опыту процессов геттоизации в США и Западной Европе, достаточно 15–20% носителей люмпенизированной субкультуры, чтобы местное сообщество в целом начало постепенно переходить к состоянию гетто. Если же учесть слабость во многих российских селах правоохранительных структур и тот факт, что представители хронической бедности уже сейчас составляют в них около 20% всех жителей, то понятно, что российская глубинка в ряде регионов уже подошла к критической черте, а кое-где, видимо, и перешла ее.

Еще одним достаточно ярким отличием бедных “по доходам” и бедных “по лишениям” выступает **соотношение в них занятых и незанятых**. Доля не имеющих регулярных самостоятельных доходов трудоспособных членов домохозяйств среди бедных “по доходам” в полтора раза больше, чем среди бедных “по лишениям” (54,8 и 33,7%, соответственно). Более того, как видно из таблицы 4, за период 2005–2011 гг. эти различия заметно усилились, а вектор их изменений был прямо противоположен (в 2005 г. соответствующие показатели составляли 48,5 и 37,4%).

Внимания заслуживает и тот факт, что незанятость трудоспособных без видимых причин характерна и для представителей хронической бедности, которые, казалось

Таблица 4

Динамика причин незанятости в различных группах бедных
(РМЭЗ, 2005–2011 гг., в % от незанятых в них)

Группы незанятых	Бедные “по доходам”		Бедные “по лишениям”	
	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.
Пенсионеры	33,5	26,6	53,3	52,1
Инвалиды	4,1	3,6	3,4	5,5
Находящиеся в декретном отпуск/отпуске по уходу за ребенком	2,9	6,8	1,2	4,1
Студенты вузов и средних специальных учебных заведений	11,0	8,2	4,7	4,6
По иным причинам	48,5	54,8	37,4	33,7

⁹ Данные исследования Института социологии РАН “Готово ли российское общество к модернизации?” (2010) (подробнее см. [Тихонова, 2011]).

Занятость представителей групп, различающихся опытом пребывания в бедности
(РМЭЗ, 2005–2011 гг., в %)

Группы	Небедное население		Ситуационная бедность		Зона риска хронической бедности		Хроническая бедность	
	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.	2005 г.	2011 г.
<i>Трудоспособные:</i>								
работают	87,1	80,2	81,0	83,1	74,5	68,3	62,3	55,3
не работают	12,9	19,8	19,0	16,9	25,5	31,7	37,7	44,7
<i>Пенсионеры:</i>								
работают	26,5	20,4	23,4	17,8	15,0	13,8	6,8	10,1
не работают	73,5	79,6	76,6	82,2	85,0	86,2	93,2	89,9

бы, в наибольшей степени должны быть заинтересованы в дополнительных источниках доходов. *Около половины трудоспособных представителей хронической бедности не имели в 2011 г. никакой постоянной работы. И доля эта по сравнению с 2005 г. значительно выросла* (см. табл. 5). Это яркое свидетельство активно идущих процессов люмпенизации представителей хронической бедности. При этом все большую роль в условиях люмпенизации трудоспособной части представителей хронической бедности для домохозяйств этой группы начинают играть доходы пенсионеров. Они не только имеют стабильный доход в виде пенсии, но и все чаще начинают выходить на работу (в отличие от своих более молодых родственников). И хотя занятость пенсионеров среди хронических бедных встречается гораздо реже, чем у пенсионеров из других групп бедного и небедного населения (см. табл. 5), она все же выросла за 2005–2011 гг. практически в полтора раза, в то время как в других группах она, напротив, сократилась.

Продолжая анализ различий портретов бедных “по доходам” и “по лишениям”, стоит отметить и то, что бедные “по лишениям” обладают наихудшим здоровьем среди всего населения: среди них каждый пятый оценивает свое здоровье как “плохое” или “очень плохое”. Это почти в три раза больше, чем среди бедных “по доходам”, и в полтора раза выше, чем у лиц более пожилого возраста среди в среднем небедного населения (см. табл. 6). Кроме того, представители данной группы почти вдвое чаще, чем бедные “по доходам”, имеют ту или иную группу инвалидности. Учитывая, что три четверти имеющих инвалидность – пенсионеры, а среди бедных “по лишениям” доля пенсионеров заметно выше, чем в других группах, такая картина не удивительна. Однако и у трудоспособных бедных “по лишениям” здоровье относительно хуже – оценивает его как плохое и очень плохое в этой группе в полтора раза чаще, чем среди трудоспособных бедных “по доходам”. Понятно, что плохое здоровье заведомо сокращает для многих бедных трудоспособного возраста возможности получить рабочее место с достойной заработной платой. Дополнительно ухудшает их положение тот факт, что относительно большую, чем в других группах, часть их расходов составляют расходы на лекарства и медицинскую помощь.

Особенно плачевно положение пожилого населения крупных городов, где расходы на медицинские услуги и лекарства в бюджете лиц с плохим здоровьем наиболее велики. Это обстоятельство имеет наиболее тяжелые последствия для членов небольших (один–два человека) домохозяйств, которые при формальном благополучии доходов в итоге испытывают более глубокие и многочисленные лишения, чем проживающие в сельской местности представители многопоколенных домохозяйств с низкими доходами.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что бедность в современной России многолика и гетерогенна. Нет ни одного фактора риска, который жестко предопределяет

**Субъективная оценка своего здоровья и наличие инвалидности
у представителей различных групп населения
(РМЭЗ, 2011 г., в %)**

Характеристики здоровья*	Бедные “по доходу”	Бедные “по лишениям”	Небедное население
Самооценка здоровья как плохого и очень плохого	7,5	19,9	12,9
Присвоена группа инвалидности, в том числе:	3,8	11,0	9,7
I группа или третья степень	12,7	11,2	11,9
II группа или вторая степень	48,4	54,9	59,5
III группа или первая степень	38,9	33,9	28,6

* В первых двух строках за 100% принимается общее количество членов каждой из групп.

лял бы попадание в нее. Однако в зависимости от самого понимания сути феномена бедности можно выделить некие наборы наиболее значимых факторов, не связанных с рынком труда, которые заметно различаются в разных группах бедных. Так, для пребывания в группе, чьи доходы ниже прожиточного минимума, – это проживание в сельской местности в большом домохозяйстве с высокой иждивенческой нагрузкой, прежде всего неработающими трудоспособными молодых возрастов и детьми. В то же время для попадания в число бедных “по лишениям” фактором риска относительно чаще оказывается жизнь в крупном городе в малых домохозяйствах с повышенной долей лиц с плохим здоровьем.

Отчасти все большее расхождение между двумя этими группами связано с методическими проблемами и особенностями используемой в России для нужд социальной политики и статистики методики выделения бедных как лиц с доходами ниже прожиточного минимума. Необходимо, видимо, включить в эту методику показатели размера и состава домохозяйств, учесть различия в стоимости жизни в разных типах поселений (крупный город, ПГТ, сельская местность) и т.д. Однако полностью устранить расхождение между двумя группами бедных и в этом случае все равно не удастся, поскольку оно является следствием разной концептуализации в них самого феномена бедности. Это значит, что для понимания сути происходящих в российском обществе с бедностью изменений необходимо вести мониторинг не только с бедными “по доходам”, но и с бедными “по лишениям”, и особенно – с хроническими бедными, которых становится все больше в составе как тех, так и других.

Именно анализ хронических бедных позволяет четче понять общий портрет российской бедности. Типичный хронически бедный в современной России – это молодой человек из больших многопоколенных домохозяйств, проживающих обычно в сельской местности, либо вообще не работающий без видимых к тому причин, либо получающий очень низкую зарплату. И уже из одного этого становятся понятны вектор изменения портрета российской бедности и те социальные, экономические и даже политические последствия, которые эти изменения повлекут за собой в обозримом будущем в случае сохранения сложившихся в данной области тенденций.

* * *

Бедность в России выглядит сегодня как двуликий Янус – один, улыбающийся его лик, говорит о благополучии ситуации, уменьшении в последнее десятилетие доли бедных и их сравнительно небольшой численности. Другой – грозный и печальный – об актуальности этой проблемы почти для половины населения страны, а также реальности угрозы формирования отсутствовавшего ранее в России массового андеркласса на базе представителей хронической бедности. Все это формирует новую повестку дня для российских политических, управленческих и научных элит. Однако, судя по

всему, эта новая повестка дня элитами еще не осознана. Во всяком случае, задача борьбы с бедностью продолжает ставиться пока в России как задача совершенствования системы адресной помощи бедным “по доходам”, а не как задачи предотвращения межпоколенного воспроизводства бедности и геттоизации ряда населенных пунктов или их районов, усиления помощи семье в случае рождения в ней ребенка и людям с плохим здоровьем.

Подчеркнем – сама по себе эта новая повестка дня не означает *a priori* необходимости и значительного увеличения средств, выделяемых на борьбу с бедностью, особенно по линии социальной защиты. Однако она предполагает *другую концепцию борьбы с бедностью*, основанную на сокращении рисков “сползания” в бедность по независящим от самого человека структурным обстоятельствам, с одной стороны, и более дифференцированном подходе к бедным, учитывающим гетерогенность российской бедности и предполагающим разные механизмы и пути совершенствования оказываемой им помощи – с другой. Причем дифференциация эта должна проводиться *не по глубине, а по причинам бедности*. Это требует индивидуализации работы социальных служб с точки зрения объектов деятельности социальных работников и упрощения доступа к помощи для слабоадаптированного и функционально неграмотного населения, каковым все в большей степени становятся бедные его слои. При такой дифференциации для одних групп потребуются даже больше средств на их поддержку, для других – относительно меньше, а третьи должны быть вообще лишены права на нее. Фактически *вместо усиления адресности “по нуждаемости”*, что является официальной концепцией борьбы с бедностью сегодня, такой подход означает *рост значимости категориальности помощи*.

Это, конечно, усложняет администрирование политики борьбы с бедностью. Однако только такой подход способен отразить *многоликость и структурную неоднородность российской бедности*, которая пока, к сожалению, недостаточно осознана. Причем эта гетерогенность заключается не только в ее характере в зависимости от тех видимых ее причин, о которых говорилось выше, – различающаяся по величине и характеру иждивенческая нагрузка, плохое здоровье многих членов бедных домохозяйств и т.д. Она обуславливается и принципиально разным положением тех, кто находятся в ситуации ситуационной, плавающей или хронической бедности, поскольку меры поддержки в зависимости от срока пребывания в бедности должны носить существенно разный характер.

Однако не только эти обстоятельства определяют гетерогенность бедных и сложность борьбы с бедностью в России. Главное, что заставляет говорить о гетерогенности российской бедности как ключевой ее особенности, сильно затрудняющей борьбу с ней, – это сосуществование в нашей стране разных типов бедности, связанных с разными историческими эпохами и разными экономическими укладами. Впрочем, эта сторона проблемы гетерогенности российской бедности заслуживает самостоятельного анализа и будет рассмотрена в следующем номере журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998.
Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. № 1.
Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004.
Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: 4М. 2011. № 33.